

УДК 347.1
DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-4-272-279

РАЗДЕЛЕНИЕ СДЕЛОК НА ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ И РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Остапова Е. А.

Юридический институт Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет»

В настоящей статье дана юридическая оценка перспектив законодательного закрепления в России разделения сделок на обязательственные и распорядительные, мнение о необходимости которого высказывается в науке гражданского права. Сторонники идеи распорядительных сделок в качестве таковых рассматривают действия сторон по исполнению договора. Между тем, более соответствующей гражданскому законодательству России представляется позиция ученых, которые отвергают идею распорядительных сделок, поскольку действующее гражданское законодательство не дает оснований считать действия сторон договора по его исполнению сделками. В противном случае сделка будет лишена своего основного признака - свободного волеизъявления сторон, так как исполнение обязательств не предполагает такого волеизъявления. Автором опровергается правовая позиция, согласно которой уступка права предполагает волеизъявление сторон на заключение договора и отдельное волеизъявление на осуществление уступки, то есть совершение распорядительной сделки во исполнение договора цессии.

Ключевые слова: сделки, распорядительные сделки, цессия, уступка требования, исполнение договора, юридический факт.

В России осуществляется активная правотворческая деятельность, направленная на реформирование гражданского законодательства. В таких условиях возникает острая потребность в новых идеях, в новых научных разработках, которые могли бы составить теоретическую базу новаторского правотворчества. Одним из источников таких идей стало зарубежное гражданское право, практика его применения, зарубежная юридическая наука. Появилось огромное количество научных публикаций, в которых излагаются и анализируются положения зарубежного гражданского законодательства, зарубежная цивилистическая литература. Статьи, а то и более крупные научные работы перепечатываются в российских журналах. И уже даже в комментариях к гражданскому законодательству становится привычным ссылаться на частные европейские кодификации гражданского законодательства, хотя в изданиях такого рода подобные ссылки вряд ли можно признать уместными. Но преимущественно такие публикации можно было признать полезными, если бы не явно заметное стремление авторов, даже вопреки истине и логике вещей, доказать, что соответствующий зарубежный цивилистический опыт может быть использован уже сегодня. И не только в целях развития науки, изменения законодательства, но даже и в целях правотолкования и правоприменения. Такое стремление проявилось, в частности, при исследовании проблемы распорядительных сделок, что и обосновывает актуальность темы настоящей статьи.

К проблеме распорядительных сделок обращались как зарубежные, так и отечественные ученые, такие как О. С. Иоффе, К.И. Скловский, А.В. Егоров, А.Г. Карапетов, В.В. Байбак.

Целью настоящей статьи является поиск ответа на вопросы о возможности использования правовой конструкции распорядительных сделок при применении дей-

ствующего гражданского законодательства, целесообразности внедрения этой конструкции в российское гражданское право.

В российской науке гражданского права четко обозначились две позиции по вопросу о внедрении в практику правоприменения, в гражданское законодательство и в научный оборот понятия распорядительных сделок. Одни ученые решительно отстаивают идею распорядительных сделок, полагая, что обязательственные сделки направлены на возникновение обязательств, а не на распоряжение объектом права, в свою очередь распоряжение осуществляется посредством другой, отдельной сделки. Это позволило бы защитить, например, приобретателя вещи, которая будет создана в будущем, предоставив возможность взыскания убытков за неисполнение обязательства, либо интересы должника, исполнившего обязательство ненадлежащему кредитору вследствие признания недействительным договора цессии. Иные считают, что достижение аналогичного эффекта возможно и без выделения распорядительных сделок, а применять указанный инструмент защиты оборота следует, но крайне дозировано и точно. Поясняя, что такое «распорядительная сделка», А.Г. Карапетов пишет: «Речь идет о тех случаях исполнения договорного обязательства, когда должник во исполнение своих обязательств по договору переносит на кредитора вещные или иные имущественные права (права собственности на вещь, право требования к должнику, права на акции или доли участия в ООО и др.)» [1].

По нашему мнению, утверждение сторонников идеи распорядительных сделок о том, что должник «переносит» на кредитора вещные или иные имущественные права, противоречит положениям ст. 223 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК), согласно которым у приобретателя вещи по договору право на нее «возникает» с момента ее передачи. При этом в ст.224 ГК законодатель определяет понятие передачи. Таким образом, согласно вышеуказанным законодательным положениям возникновение у приобретателя права собственности на переданную вещь влечет сама по себе передача вещи приобретателю по договору, независимо от каких-либо других юридических фактов, в том числе и от воли отчуждателя. При этом утвердившийся в российском законодательстве термин «возникает» совершенно не предполагает выражение должником воли на возникновение у приобретателя прав, в то время, как «переносить право» означает выражать волю на такой «перенос». Так что гражданское законодательство не давало и не дает никаких оснований квалифицировать действия, направленные на исполнение обязательства, как сделки. Противоположное нельзя вывести даже из п. 3 ст. 159 ГК, в соответствии с которым «сделки во исполнение договора, заключенного в письменной форме, могут по соглашению сторон совершаться устно, если это не противоречит закону, иным правовым актам и договору». Сторонник концепции распорядительных сделок и ведущий интерпретатор гражданского законодательства А.Г. Карапетов не стал использовать это законодательное положение в обоснование указанной концепции и пришел к выводу о том, что законодатель вряд ли мог в приведенном законодательном положении объявить все случаи исполнения договорных обязательств сделками [2, с. 225].

В приведенном примере можно заметить проявление некоторой особенности научного поиска в юридической науке: самый опытный и самый добросовестный ученый, можно сказать, специализирующийся на исследованиях обязательственного права, не увидел, потому что не захотел увидеть, разницу между термином «переходит» и термином «переносит», подчинил свой научный поиск заимствованной из

чужого законодательства идеи. По тому же пути пошел и В.В. Байбак. Комментируя ст. 389.1 ГК, он утверждает, что пункт 1 данной статьи «закрепляет важнейший для гражданского права принцип разделения сделок на обязательственные и распорядительные, разграничивая соглашение об уступке требования (обязательственная сделка) и саму уступку (распорядительная сделка)» [3, с.593]. Здесь не только обосновывается на конкретном примере необходимость указанного деления сделок, но и утверждается (вопреки содержанию п. 1 ст. 389.1 ГК), что законодательное положение закрепляет не сугубо конкретную правовую норму, а принцип, который является для гражданского права важнейшим. У каждого исследователя в силу субъективности возникает мысль о высшей значимости результатов его научного поиска, но нельзя эту мысль выражать столь прямо и вразрез с логикой. Как представляется, в п. 1 ст. 389.1 ГК вообще не закреплена какой-либо принцип, тем более - важнейший, а еще тем более – для всего гражданского права.

В пп. 1 и 2 ст. 389.1 ГК дважды говорится о договоре между цедентом и цессионарием, «на основании которого производится уступка». В этой связи, видимо, и утверждается о закреплении в п. 1 ст. 389.1 ГК не просто правовой нормы, а «важнейшего для гражданского права принципа». Но для подобных выводов следует выявить характер соотношения между пунктами 1 и 2 ст. 389.1 ГК, который, на наш взгляд, является таковым.

П. 1 ст. 389.1 ГК формулирует общую правовую норму, которая распространяется на все отношения, которые могут возникнуть между цедентом и цессионарием по поводу уступки требования. В соответствии с этой правовой нормой цедент и цессионарий имеют права и несут обязанности, предусмотренные ГК и договором между ними. Вторая общая норма, закрепленная в п. 1 ст. 389.1 ГК, обнаруживается при толковании путем грамматического преобразования словосочетания «договором между ними, на основании которого производится уступка» и может быть сформулирована таким образом: «Права и обязанности, в юридической форме которых производится уступка требования, возникают на основании договора (при условии заключения соответствующего договора)». Иными словами, складывается впечатление, что в соответствии с п. 1 ст. 389.1 ГК сначала возникает юридический факт (заключение договора), а потом возникают права и обязанности, в процессе реализации и исполнения которых производится уступка требования.

П. 2 ст. 389.1 ГК («требование переходит к цессионарию в момент заключения договора, на основании которого производится уступка, если законом или договором не предусмотрено иное») содержит две специальные (по отношению к указанным выше общим нормам) правовые нормы: 1) обычно (если законом или договором не предусмотрено иное) требование переходит к цессионарию в момент заключения договора; 2) в случаях, предусмотренных законом или договором, требование переходит в другой момент (очевидно, в момент, определенный соответствующим законом или договором). Указанные две специальные правовые нормы исключают применение в сфере их действия общей правовой нормы, которая установлена п. 1 ст.389.1 ГК и в соответствии с которой права и обязанности у цедента и цессионария возникают, если между сторонами заключен договор (на основании договора). Точнее, формулу «если сторонами заключен договор» можно было бы принять, но при условии, что она не будет толковаться так, что есть разрыв во времени меж-

ду заключением договора и переходом права требования к цессионарию, поскольку обычно момент заключения договора является и моментом перехода требования.

Таким образом, если иное не предусмотрено законом или договором, требование от cedenta к цессионарию переходит в момент заключения договора и для такого перехода нет необходимости в указании в договоре на переход прав в момент заключения договора: если договор подписан, то он в соответствии с п. 1 ст. 432 ГК считается заключенным (в силу ст. 163 ГК он считается заключенным с момента его нотариального удостоверения, а в силу ст. 164 ГК – с момента его государственной регистрации). Это означает, что для перехода требования от cedenta к цессионарию, по общему правилу, не требуется никакого другого юридического факта (кроме заключения договора). Таким образом, варианты второй-шестой перехода уступаемого требования, о которых пишет В.В. Байбак [3, с. 595], относятся к оговорке «если законом или договором не предусмотрено иное», установленной п. 2 ст. 389.1 ГК, а первый вариант («стороны могут выразить волеизъявление на немедленное распоряжение непосредственно в договоре об уступке, и тогда момент заключения договора и момент перехода прав совпадают» [3, с. 595] не соответствует п. 2 ст. 389.1 ГК, поскольку указанные два момента совпадают не тогда, когда стороны «выразили волеизъявление», а всегда в силу п. 2 ст. 389.1 ГК (если иное не предусмотрено законом или договором), при условии заключения договора.

Третья специальная правовая норма, текстуально непрямо закрепленная в п. 2 ст. 389.1 ГК, предусматривает, что в случаях, установленных законом или договором, требование переходит к цессионарию не в момент заключения договора, а в момент, установленный соответствующим законом или договором. Это означает, что переход требования происходит в момент наступления любого юридического факта, предусмотренного законом или договором. Но при этом в п. 2 ст. 389.1 ГК не содержится какого-либо указания на необходимость совершения распорядительной сделки в случаях, подпадающих под оговорку «если законом или договором не предусмотрено иное». Не исключено, что среди таких юридических фактов могут находиться и действия сторон, предполагающие волеизъявление, но в таком случае договор об уступке требования приобретает характер предварительного (ст. 429 ГК) или рамочного (ст. 429.1 ГК), являющихся обычными обязательственными, а не распорядительными сделками.

Что касается разделения договора об уступке требования и самой уступки, которое (разделение) допускается п. 1 ст. 389.1 ГК, то соответствующая общая правовая норма не может применяться, поскольку она противоречит специальным правовым нормам, установленным п. 2 ст. 389.1 ГК.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», в пункте 5 изложена правовая позиция, согласно которой: «по общему правилу, требование переходит к цессионарию в момент заключения договора, на основании которого производится уступка, например договора продажи имущественного права (п. 2 ст. 389.1 ГК РФ). Однако законом или таким договором может быть установлен более поздний момент перехода требования. Стороны вправе установить, что переход требования произойдет по истечении определенного срока или при наступлении согласованного сторонами отлагательного условия. Например, стороны договора продажи имущественного

права вправе установить, что право переходит к покупателю после его полной оплаты без необходимости иных соглашений об этом (п. 4 ст. 454, ст. 491 ГК РФ). В договоре, на основании которого производится уступка, может быть также предусмотрено, что требование перейдет в момент совершения отдельного соглашения, непосредственно оформляющего уступку (отдельного двустороннего документа о переходе требования). Если cedent уклоняется от подписания такого документа, исполнивший свои обязанности цессионарий вправе требовать перевода права на себя (ст. 12 ГК РФ)». По нашему мнению, согласно изложенной позиции допускается возможность заключения «отдельного соглашения, непосредственно оформляющего уступку», поскольку в силу ст. 421 ГК стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. В то же время в качестве правовых последствий уклонения cedent от подписания такого соглашения (отдельного двустороннего документа о переходе требования), наступают последствия принудительного характера, и ни о какой свободной воле передающего лица речь не идет, а только о его обязанности совершить действия во исполнение договора.

В этой связи вызывает сомнение правильность трактовки вышеуказанной правовой позиции, высказанной ВС (п. 5 Постановления Пленума № 54), как допускающей, что уступка может совпадать с обязательственной сделкой в одном документе, при том, что ГК наоборот, допускает возможность по соглашению сторон предусмотреть такое несоответствие, а также утверждение о том, что в случаях, когда продавец имущественного права желает получить деньги авансом и только потом совершить уступку (отдать право требования и тем самым исполнить свое обязательство продавца) у сторон не остается другого варианта, кроме как совершить сначала обязательственный договор купли-продажи и только потом (после платежа) заключить уступку [4].

Поскольку, в случае заключения договора уступки права требования цессионарий уже имеет право требовать перевода прав на себя, независимо от воли cedent, а только в зависимости от наступления определенного срока, наступления или не наступления определенных событий, основания для определения действий сторон по передаче прав как самостоятельной сделки, отсутствуют.

Признавая соответствие закону приведенного разъяснения Пленума Верховного Суда, заметим, что определение момента перехода требования в этом разъяснении указанием на срок или отлагательное условие является не вполне логичным. Дело в том, что круг явлений, охватываемых понятием отлагательного условия, как оно определяется в п. 1 ст. 157 ГК, является крайне узким. Кроме того, установление более позднего перехода к цессионарию момента перехода права (не в момент заключения соглашения об уступке) не делает это соглашение сделкой, совершенной под отлагательным условием. Поэтому как применение ст. 157 ГК к рассматриваемым отношениям, так и использование при этом термина «отлагательное условие» неизбежно ведет к ошибкам при правоприменении.

Следует отметить, что ГК (ст. 388.1) регулирует порядок уступки права требования, которым еще не обладает cedent, в связи с чем для оправдания заключения «распорядительной сделки» правилом «*nemo plus juris in alium transferre potest quam ipse habet*» (никто не может передать другому право или титул, большие, чем он

сам обладает), на которое часто ссылаются сторонники идеи распорядительных сделок, нет оснований.

А.Г. Карапетов увидел новеллу законодательства, демонстрирующую возможность практической реализации идеи распорядительной сделки также в положениях п. 3 ст. 61.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [1]. Однако же здесь законодатель сугубо из утилитарных соображений предусмотрел применение положений об оспаривании сделок должника к действиям, направленным на исполнение обязательств. Установление подобных отсылочных норм является обычной законодательной практикой. Другое дело, что сложилась ситуация, когда, как в данном случае, эту отсылку приняли за признание распорядительных сделок, и, как в другом случае, предоставление залогодателю права получить преимущественное удовлетворение из определенных источников (п. 2 ст. 334 ГК) дало повод отнести эти источники к предмету залога [3, с. 244-247]. Но ни ст. 61.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не подтверждает идею распорядительных сделок, ни п. 2 ст. 334 ГК не предусматривает возникновения залогового права.

Судебная практика применения положений п. 3 ст. 61.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» также свидетельствует о том, что основания рассматривать действия, направленные на исполнение обязательств, в качестве сделок отсутствуют.

В частности, ВС РФ в своем определении от 18.12.2017 N 305-ЭС17-12763(1,2) по делу N А40-698/2014 изложил правовую позицию, согласно которой по смыслу статьи 61.1 Закона о банкротстве перечень юридических действий, которые могут быть оспорены в рамках дела о банкротстве, не ограничен исключительно понятием «сделки», предусмотренным статьей 153 ГК РФ. Фактически в деле о банкротстве в целях защиты кредиторов от недобросовестного поведения должника и части его контрагентов, а также в целях соблюдения принципов очередности и пропорциональности удовлетворения требований всех кредиторов потенциально могут оспариваться любые юридические факты, которые негативно влияют на имущественную массу должника. К числу подобных фактов, по мнению высшей судебной инстанции, могут быть отнесены и действия, направленные на исполнение любых обязательств должника. При этом право на иск об оспаривании таких действий имеется, в том числе в силу того, что на законодательном уровне интересы неудовлетворенных кредиторов как гражданско-правового сообщества признаются более значимыми по сравнению с интересами конкретных кредиторов, получивших имущественный актив от неплатежеспособного лица в индивидуальном порядке, в целях выравнивания положения (возможности на получение удовлетворения) всех кредиторов, обладающих равным правовым статусом.

По нашему мнению, ст. 61.1 упомянутого Закона, устанавливающая сугубо специальную правовую норму, имеющую свою цель – препятствование уменьшению конкурсной массы должника и как следствие – недопущение причинения имущественного вреда должнику и его кредиторам, позволяет оспорить действия по исполнению обязательства как сделку, однако такие действия не «переносят» права, не являются распорядительными сделками. Поэтому более соответствующей гражданскому законодательству России представляется позиция тех ученых-цивилистов, которые отвергают идею распорядительных сделок. В частности, К.И. Скловский обращает внимание на то, что если иметь в виду, что сделка – всегда действие, а действия по передаче права не бывает, то приходится признать, что и распоряди-

тельная сделка (в том числе и вещный договор) - фиктивная конструкция, связь которой с реальностью проявляется лишь в том, что она так или иначе прибавляется, конечно условно, к какому-либо факту. Однако, нигде закон не допускал вариант присвоения одной сделке вида двойной сделки, каждая из которых порождает свои последствия [5, с. 54].

М.М. Агарков, еще в работе, опубликованной в 1926 г., обратил внимание на такие юридические факты, которые являются правомерными действиями, порождают, изменяют или прекращают правоотношения, но не являются сделками, поскольку они не содержат в себе волеизъявлений, направленных на достижение юридических последствий [6, с. 134-135], позднее обозначив такие юридические факты как юридические поступки [7, с. 352]. Этим также отрицается какая-либо потребность во введении в отечественное законодательство, в практику применения гражданского законодательства и в научный оборот понятия распорядительных сделок.

О.А. Красавчиков также полагал, что «по своей юридической природе исполнение является не сделкой, а юридическим поступком, т.е. правомерным действием, правовые последствия которого наступают независимо от того, было данное действие направлено на достижение этих последствий или нет: юридический эффект наступает независимо от субъективного момента» [8, с. 471]. Эти идеи поддержал и развил М.И. Брагинский [9, с. 360-361].

Следует, однако, признать, что волна публикаций, отстаивающих концепцию распорядительных сделок, не является чистым заимствованием зарубежных идей. Попытка ввести в научный оборот понятие вспомогательных сделок была предпринята еще в 1970 г. О.С. Иоффе, который определил это понятие как «односторонние сделки, совершаемые на основе уже существующего правоотношения – в целях его конкретизации, изменения или прекращения, в частности путем исполнения» [10, с. 256]. Сделки, направленные на конкретизацию, изменение или прекращение существующего правоотношения не могут не признаваться, но утверждение о том, что на изменение или прекращение обязательства направлены действия по исполнению обязательств, переворачивает сложившиеся в течение столетий представления о сделках. Получается, что основная масса сделок - это действия во исполнение обязательств, а потому и законодательный материал о сделках следует разместить в главе 22 ГК «Исполнение обязательств». А понятие сделки будет лишено своего основного признака – свободного волеизъявления. Сегодня совершение сделки во исполнение обязанности – это исключение из правил. Это исключение станет правилом, если действия во исполнение обязательств будут признаны сделками вспомогательными, по О.С. Иоффе, или распорядительными, по терминологии современных исследователей.

Изложенное позволяет нам сделать вывод о том, что внедрение в гражданское право России понятия распорядительной сделки, как сделки, направленной на распоряжение правами и существующей наряду со сделкой, являющейся основанием для возникновения прав и обязанностей, не оправдывается потребностями совершенствования правового регулирования общественных отношений, являющихся предметом гражданского права. Имеющиеся правовые механизмы, способы защиты права в большинстве случаев позволяют обойтись без разграничения сделок на обязательственные и распорядительные, а тем более – без придания последним абстрактного характера.

Список литературы:

1. Карапетов А. Г. Распорядительная сделка и ее абстрактность: «за» и «против» // https://zakon.ru/blog/2013/9/26/rasporyaditel'naya_sdelka_i_ee_abstraktnost_za_i_protiv.
2. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв.ред. А.Г. Карапетов. - Москва : Статут, 2018. - 1264 с.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2017.
4. Егоров А.В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. - 2019, № 6. - С 51-107.
5. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. - Москва : Статут, 2019. - 278 с.
6. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 1. / М.М. Агарков. - Москва: «Центр ЮрИнфоР», 2002. - 490 с.
7. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 2. / М.М. Агарков. - Москва: «Центр ЮрИнфоР», 2002. - 452 с.
8. Красавчиков О.А. Советское гражданское право: учебник. В 2 т. Т.1 / О.А. Красавчиков. - Москва : Высшая школа, 1985. - 527 с.
9. Брагинский М.И. Договорное право. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В.Витрянский. - Москва : Статут, - 1997. - 682 с.
10. Комментарий к ГК РСФСР / Под ред. Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе. - Москва : Юридическая литература, - 1970. - 824 с.

Е.А.Остапова. Division of transaction into obligatory and administrative ones: prospects for legislative consolidation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. – P. 272-279.

This article provides a legal assessment of the prospects for legislative consolidation in Russia of the division of transactions into obligatory and administrative, the opinion about the need for which is expressed in the science of civil law. Supporters of the idea of administrative transactions as such consider the actions of the parties to execute the contract. Meanwhile, the position of scientists who reject the idea of administrative transactions seems to be more consistent with the civil legislation of Russia, since the current civil legislation does not give grounds to consider the actions of the parties to the agreement on its execution as transactions. Otherwise, the transaction will be deprived of its main feature - the free expression of the will of the parties, since the fulfillment of obligations does not imply such an expression of will. In support of his position, the author made an attempt to refute the arguments that the assignment of rights presupposes the expression of the will of the parties to conclude an agreement and a separate expression of their will to make the assignment, that is, the execution of an administrative transaction in pursuance of the specified agreement.

Keywords: transactions, administrative transactions, assignment, assignment of a claim, execution of a contract, legal fact.

Spisok literatury:

1. Karapetov A. G. Rasporyaditel'naya sdelka i ee abstraktnost': «za» i «protiv» // https://zakon.ru/blog/2013/9/26/rasporyaditel'naya_sdelka_i_ee_abstraktnost_za_i_protiv.
2. Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postatejnyj kommentarij k stat'jam 153-208 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / Otv.red. A.G. Karapetov. - Moskva : Statut, 2018. - 1264 s.
3. Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast'): postatejnyj kommentarij k stat'jam 307 - 453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / Otv. red. A.G. Karapetov. Moskva : Statut, 2017. – 1120 s.
4. Egorov A.V. Rasporyaditel'nye sdelki: vyjti iz sumraka // Vestnik grazhdanskogo prava. - 2019, № 6.
5. Sklovskij K.I. Sdelka i ee dejstvie. Kommentarij glavy 9 GK RF. Princip dobrosovestnosti. - Moskva : Statut, 2019. - 278 s.
6. Agarkov M.M. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: V 2 t. T. 1. / M.M. Agarkov. - Moskva: «Centr YUrInfoR», 2002. - 490 s.
7. Agarkov M.M. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: V 2 t. T. 2. / M.M. Agarkov. - Moskva: «Centr YUrInfoR», 2002. - 452 s.
8. Krasavchikov O.A. Sovetskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 2 t. T.1 / O.A. Krasavchikov. – Moskva : Vysshaya shkola, 1985. - 527 s.
9. Braginskij M.I. Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya / M.I. Braginskij, V.V.Vitryanskij. - Moskva : Satut, - 1997. - 682 s.
10. Kommentarij k GK RSFSR / Pod red. E.A. Flejshic, O.S. Ioffe. - Moskva : YUridicheskaya literatura, - 1970. - 824 s.